

Н. Попова

КОНГРЕГАЦИЯ ПРИРОДА ЗВЕРЯ

Москва,
T8 RUGRAM
2024

УДК 82-312.9

ББК 84.4

П58

Попова Н.

П58 Природа зверя / Н. Попова — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 358 с. — (Конгрегация).

ISBN 978-5-517-11782-3

Германия, зима 1394 А.Д. Следователь Конгрегации Курт Гессе и его помощник Бруно Хоффмайер, направленные к очередному месту прохождения службы, застигнуты в пути непогодой. Они вынуждены остановиться на ночлег в придорожном трактире. Разыгравшаяся метель делает дальнейший путь невозможным, и уже следующей же ночью становится ясно, что скука — еще не самая большая неприятность, свалившаяся на их головы...

BIC FM

BISAC FIC009000

© Надежда Попова, текст, 2021

© Анастасия Белецкая, обложка, 2021

© Т8 RUGRAM, оформление, 2024

© РИПОЛ классик, оформление, 2024

ISBN 978-5-517-11782-3

*Автор выражает благодарность
Надежде Шолиной,
доценту кафедры всемирной литературы НГПУ им. К. Минина,
за помощь в блуждании
по дебрям латинских падежей.*

*omnis enim natura bestiarum et volucrum
et serpentium etiam ceterorum domantur et
domita sunt a natura humana (Jacomi, 3; 7)¹.*

ПРОЛОГ

— Храни Господь курьерскую службу.

Голос помощника был охрипшим и каким-то мутным — высокий стоячий ворот, кожа которого задубела на морозе, глушил слова, плохо выпуская их вовне. Уже подступающий февраль в этом году тотчас дал понять, что решил обосноваться всерьез и надолго, одаряя род людской всеми прелестями, каковых в Германии не было видано уже давно — ветром, перемешанным со льдом, стужей, от которой в буквальном смысле на лету замерзают вороны, и почти не прекращающимся снегом, насыпающим едва проходимые сугробы даже посреди дороги и ломающим древесные ветви.

На восхваление курьерам Курт не ответил — сие славословие произносилось уже не в первый раз за время их пути, и в эту минуту наверняка еще не один и не двое говорили примерно то же самое на ином краю страны; и, разумеется, благодарствие вознести было за что. Года три назад кто-то из курьеров, кому надоело морозить себя на ветру и выставлять под дожди и снега, при посредстве сметливого кожевенника вообразил и создал некоего ублюдка фельдъегерской куртки, дорожного плаща и купеческого камзола. Родившееся из сего смешения исчадие, без изысков поименованное фельдроком², выгодно отличалось воротом, в застег-

¹ ибо всякое естество звериное и птичье, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим (Иакова, 3; 7) (лат.).

² Буквально «полевой мундир» (нем.).

нутом виде закрывавшим лицо по самые скулы, пристяжным капюшоном, что лишало необходимости навешивать на себя мешающий движениям плащ, и удлиненными полами, закрывающими ноги до самой середины сапог, по каковой причине, сидя в седле, можно было не беспокоиться о коленях, выставленных под дождь или, как теперь, хлесткий снег. Зимний вариант, кроме того, предполагал меховой подбой, которому в нынешнем путешествии досталось не меньше благих слов, нежели выдумщику из курьерского отделения.

Экипировавшемуся подобным образом упомянутому курьеру позавидовали сперва собратья по должности, но довольно скоро сие творение воспаленного рассудка взяли на вооружение и многие действующие следователи. Как и большинство из тех дознавателей, кто еще не обзавелся ни домом, ни, собственно, постоянным местом службы, располагающим к приобретению такового, и проводил довольно много времени в пути, Курт оказался в числе первых из них. Кроме того, жизнь показала, что даже при некоторой оседлости всякое расследование грозило в любой самый неожиданный момент обернуться тем, что возникнет необходимость сорваться в путь тотчас, не имея времени не только на сборы, но и хотя бы на то, чтобы обернуться в сторону покинутого временного пристанища. Плодить гардеробы при таком распорядке бытия было не с руки, и Курт предпочел потратить немалые, надо сказать, деньги на приобретение сего наряда *in omnes eventus vitae*¹, в коем было не совестно пройтись по центральным улицам любого города и вполне сподручно пуститься в путь или ввязаться в драку. Помощник, тяжело вздохнув, последовал его примеру, зная на собственном опыте, что любые невзгоды и внезапности, настигающие его начальство, достаются в не меньшей мере и ему самому, причем сполна.

Лошадям приходилось куда хуже — тех грела лишь попона да еще разве что седалища всадников; на темных ресницах нависла изморозь, грустные карие глаза слезились от ветра и мороза, и ноги с облепившими шерсть комьями снега переступали тяжело и неуклюже. Отдых был нужен им уже давно; кроме скверной погоды

¹ на все случаи жизни (лат.).

и долгого пути жизнь несчастным животным невыносимо портил и немалый вес несомого — наверняка, если взгромоздить на одну чашу весов одного из седоков, а на другую нацепленное на него снаряжение, включая кольчугу под фель드로ком, оружие и дорожную сумку, обе чаши уравнились бы. В иное время кони несли бы этот немалый скарб без особенных усилий, однако холод усугублял усталость, превращая ее в изнеможение.

— Храни Господь курьерскую службу, — повторил помощник, не скрывая раздражения, — и покарай тебя.

На гневный выпад Бруно Курт не ответил тоже, слыша его уже не в первый раз.

Отдых не только для коней планировался еще пару часов назад, когда с плохо протоптанного тракта оба заехали далеко в сторону, угадав по наезженной колее близстоящую деревню. Разумеется, Курт предпочел бы хороший трактир с отдельной комнатой и теплой постелью, однако какая угодно крыша и чье угодно тепло в их положении являлись почти небесным даром, а при предъявлении Знака и сурового лица предоставлены были бы быстро и без каких-либо препон.

Деревня показалась за тогда еще редкой завесой снега довольно скоро; точнее, первыми на глаза попались ее обитатели, вопреки ожиданиям, не сидящие по домам перед очагами и не поглощенные заботами о замерзающем скоте — больше сотни человек собралось в плотную темную толпу далеко за пределами поселения, окружив предмет, по долгу службы узнаваемый Куртом за милую, наверное, даже в полуслепом состоянии.

— Столб, — отметил помощник, придержав шаг коня, и дознаватель медленно кивнул, приподнявшись в стремях и всматриваясь в людское собрание. — Только что-то я тут наших не вижу, — многозначительно закончил Бруно.

— За мной, — скомандовал Курт, никак на очевидное замечание не ответив.

К собравшимся они приблизились, когда к окруженному чуть припорошенным хворостом столбу уже шагнули двое с горящими факелами, одаря привязанного к тонкому кривому бревну человека ненавидящими и испуганными взглядами. В сторону

явившихся чужаков собравшиеся обернулись, глядя недобро и настороженно. Заметили их не сразу, всецело поглощенные происходящим.

— Ни шагу больше, — остерег Курт и без того неподвижно замерших факельщиков, и во внезапной всеобщей тишине не сразу отозвался голос стоящего впереди крестьянина.

— А вам-то чё? — выступив чуть вперед, поинтересовался он. — Я староста, суд наш постановил наказание, и все законно. Вы, господин, езжайте себе или обождите, если имеете до нас какой интерес. Я так мыслю, это дело скорое.

— Ошибаешься, — возразил Курт, с неохотой расстегивая ворот и извлекая на свет Божий цепь с медальоном, покрытым всем знакомой чеканкой. — Дело это долгое. Чтобы тело прогорело полностью, нужно несколько часов, а после останки надлежит еще разбить вручную — иначе в прах оно не обратится, останутся обгорелые кости. Да и прежде он будет гореть приличное время, пока испустит дух. Только этого топлива, что вы тут натащили, не хватит даже на козу-недоростка. Уж поверь знатоку... Святая Инквизиция, — представился он, оставив Сигнум висеть поверх фельдрока. — А теперь потрудись разъяснить, что тут происходит.

— Инквизиция!

Вопреки ожиданиям, в прозвучавшем восклицании не было ни ужаса, ни растерянности — скорее, возглас был неуместно оживленным и почти радостным; люди в толпе заговорили разом, переглядываясь друг с другом и устремляя на осужденного ими взгляды грозящие и мстительные, торжествующие, словно бы для подтверждения справедливости их возмездия с небес спустился сам Господь, порицая грешника.

— Весьма ко времени, — одобрил староста, махнув рукою через плечо на молчаливого человека у столба; тот смотрел в небо с нетвердой, подергивающейся ухмылкой на побелевших от холода губах, кем-то уже превращенных в опухшие олады явно не двумя и не тремя ударами. — Вот вы, майстер инквизитор, и покараете нечестивца.

— У тебя появилось новое начальство, — отметил помощник тихо; Курт раздраженно поморщился.

— Так стало быть, — подытожил он, — представителей Конгрегации я здесь не вижу не по слабости зрения. И все это происходит самовольно, без следствия и суда.

— Это как то есть — без суда? — насутился староста. — Сказано ж вам было...

— Слабостью слуха я также не страдаю, — оборвал Курт. — И ты, если не страдаешь слабостью рассудка, должен знать, что подобные приговоры выносить имеет право только суд Конгрегации.

— Да Господь с вами, майстер инквизитор, какая Конгрегация в нашей глуши? До ближнего города — дня два; и что ж — неделями дело тянуть?

— Хоть год, — отрезал Курт холодно. — Вопрос в человеческой жизни. Хоть сто лет.

— Не человек он! — зло выговорил один из стоящих за плечом старосты. — Зверюга — и та на такое не сподобится.

— Что он сделал? — вмешался Бруно, и староста с готовностью кивнул:

— А я вам сейчас расскажу, господа дознаватели, что. Мерзость, подлинно. Воистину сатанинскую мерзость. Вы вот меня слушаете — и сами ж скажете, что мы все сделали верно; а вот тут и вы, как самим Провидением посланы...

— Говори, — поторопил Курт; староста кивнул снова:

— Извольте, майстер инквизитор... Это лошадиный наш. Разводит у себя, приторговывает, а когда кому из нас нужна лошадь — дает внаем, на время; у нас, понятно, не у каждого ведь имеется своя... а у него их по временам до трех голов бывает... И все мы к нему частенько домой заходим. Ну, и о найме сговориться, и так просто — сосед ведь... А кое-кто, случалось, появлялся в его жилище, когда его самого там не было. Нехорошо, конечно, грех, но тут уж каждому по собственной совести...

— К жене, словом, — вновь оборвал Курт, и староста вздохнул, понуро разведя руками:

— Я ж им не отец. Не прикажу ж. Супруга у него, я вам скажу... гм... Ну да, майстер инквизитор. К жене. В последнее время уж и слухи пошли, но он как-то словно мимо уха все пускал — ни дру-

зьям ни слова, ни супружнице. А намеренно позвал их в гости всех, выставил пива, закусок, мяса нажарил... До самой ночи сидели. А после, как выпили, как поели... Кто-то спрашивает — мол, а хозяйка-то что? Как-то оно зазорно — у мужа гости, стол, а жена невесть где. И знаете, что, майстер инквизитор? — почти шепнул староста, дрогнув голосом. — Убил он ее. А после... мясо-то это, что под пиво пошло... Она это была — жена. Он всех позвал тогда, что к ней заглядывал, и им всю ее и скормил, прости Господи...

— Ясно, — вздохнул Курт, снова бросив взгляд на искривленное злой усмешкой лицо связанного. — И много народу набралось?

— Что?.. — растеряннo осекся староста, не сразу сообразив, что ответить на неуместное любопытство следователя. — Матерь Божья, да есть ли разница! Что он сотворил — это что, не мерзость ли? Не попрание ли образа Божьего в человеке? Кары не достойно ли? От того ужина двое рассудка решились. Один преставился — так с ума поехал, что кинулся из собственного пуза ножом те куски выковыривать; так и не спасли. А вы — «год, сто лет»... Как на месте еще не прибили.

— Разойдись, — потребовал Курт спустя мгновение тишины, нехотя спешиваясь, и, когда людская масса расступилась, образовав коридор, медленно прошел к столбу, взойдя на образованное хворостом возвышение с нехорошей дрожью в спине.

Лошадник перевел взгляд с мутного, сыплющего снегом неба на инквизитора, глядя все с той же равнодушной ухмылкой, и, казалось, всего произнесенного только что в его присутствии не слышал или не воспринимал. За спиною уже вновь возник гомон, становясь все громче и злее, и Курт повысил голос, всеми силами заставляя себя не оборачиваться ежесекундно на двоих с факелами, стоящих вне поля видимости:

— Молчать.

Галдеж стих, не угаснув совершенно, и он шагнул ближе к связанному, тронув его за плечо.

— Эй, — окликнул Курт и, поймав вопросительный взгляд, уточнил: — Имя.

— Ханс.